

Лю Чунси

(Нанкинский университет, Китай)

«ЭПИГРАММА В КАМНЕ»: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАВЮРЫ БО ЦЗЮЙИ

Аннотация: Эпиграммы в камне с авторством ученых мужей во главе с Бо Цзюйи, возникшие в середине правления династии Тан, стали выражать чистые личные эмоции, отражая творческую личность поэта. Бо Цзюйи считал камни друзьями, любил и воспевал камни, писал на них стихи. Это наделяет камень двумя атрибутами — естественной самородностью и индивидуальностью. Существует около двадцати выгравированных на камне стихотворений Бо Цзюйи; он стал первым поэтом, сознательно объединившим поэзию и камень. По сравнению с рукописными документами, поэтическая гравюра Бо Цзюйи имеет большее историко-ведческое значение, поскольку позволяет провести компаративный лексико-стилистический анализ. В то же время, будучи атрибутами материальной культуры, поэтические гравюры выполняют множество функций, таких как восстановление исторического контекста создания стихотворения и распространение языкового ландшафта. Эти гуманистические коннотации определили большое значение поэтических гравюр Бо Цзюйи в истории китайской литературы и культуры.

Ключевые слова: Бо Цзюйи, поэтическая гравюра, Путешествие в Цзюань, языковой ландшафт, гуманитарная география.

Liu Chongxi

(Nanjing University, China)

“POETRY CARVED IN STONE”: DOCUMENTARY, LITERARY AND CULTURAL CONNOTATION IN BAI JUYI'S POETRY INSCRIPTION

Abstract: The poetry inscription, with Bai Juyi in the Middle Tang Era as its representative, began to express purely personal emotions in terms of content, which reflects the poet's creative individuality. Bai takes stone as his friend, loves it, chants it, and inscribes poems on it, endowing it natural and personal qualities. Bai was the first poet to consciously combine “poetry” and “stone” with nearly 20 kinds of poetry inscriptions. Compared with book documents, Bai's poetry inscriptions not only have the philological value of text criticism, but also have multiple functions, i. e., reproducing the historical context of poetry creation and transmitting as a “linguistic landscape”. Such humanistic connotation determines the significance of Bai's poetry inscription in the history of Chinese literature and culture.

Keywords: Bai Juyi, poetry inscription, *Poet on Visiting Ji Yuan* [pinyin: *You Jiyuan Shi*], linguistic landscape, humanist geography.

До правления династии Тан поэтическая гравюра в древнем Китае встречалась редко. До династии Северная Вэй ее не было вовсе, относительно достоверными можно назвать семь образцов стихов, написанных Чжэн Даочжао и дру-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

гими поэтами означенного периода. По мере расцвета поэтического творчества с танского периода получила развитие и поэтическая гравюра. Палеографическая литература, такая как «Цзигулу» («Записки о древности») и «Цзиньшилу» («Записки о надписях на бронзе и камне»), указывает, что поэтическая гравюра ранней династии Тан в основном состояла из стихов четырех императоров — танских Тай-цзуна, Гао-цзуна, У Цзэтянь и Сюань-цзуна, а также включала хвалебные гимны, написанные министрами и сановниками, что говорит о ее очевидно политическом назначении. После Сюань-цзуна, к середине танского периода, жанр императорской поэтической гравюры постепенно пришел в упадок, зато расцвела гравюра стихов ученых и сановных мужей. Стали появляться камни со стихами Хань Юя, Шэнь Чуаньши, Лю Юйси, Ли Шэня и др., каллиграфически исполненными ими лично либо другими людьми. Больше всего стихов среди них принадлежат авторству Бо Цзюйи.

В «Эпиграммах на камне», вошедших в его сборник «Шлю Ван Шибя¹, удалившемуся от мира, эпиграмму в храм Сянью», были такие строки:

*Теплым вином в чаще лесной
Я угощаюсь впрок
Лист багряной и зеленый мох
Сметаю с каменных строк [1, т. 14, с. 811].*

Стихотворение было написано в четвертый год правления под девизом Юаньхэ императора династии Тан Сянь-цзуна (809) и отправлено доброму другу поэта, Ван Чжифу. Поэт вспоминает, как во времена пребывания на должности *сяньвэй*² уезда Чжоучжи он посещал храм Сянью, где наслаждался вином, подогретым на костре из опавших листьев, и стихотворениями, высеченными на камне. Судя по дошедшему до нас литературному наследию, Бо Цзюйи написал почти 20 стихотворений, вырезанных затем на камне, и был первым поэтом, который сознательно объединил поэзию и камень. Взяв за объект исследования поэтическую гравюру Бо Цзюйи, автор данной статьи исследует личные интересы поэта, а также документальные, литературные и культурные коннотации его поэтических гравюр, а кроме того, демонстрирует ее глубокое влияние на возникновение и развитие жанра древнекитайской поэтической гравюры в целом.

1. ДРУЖБА С КАМНЕМ, ВОСПЕВАНИЕ КАМНЯ, ГРАВИРОВКА НА КАМНЕ

Количество выгравированных стихов Бо Цзюйи уникально для династии Тан. Причина, конечно же, заключается в возросшей популярности поэзии ученых мужей и чиновников после танского императора Сюань-цзуна, но нельзя отрицать, что это во многом связано с любовью Бо Цзюйи к камням и его личны-

¹ Ван Чжифу.

² *Сяньвэй* — начальник уездной охраны.

ми увлечениями. В отличие от других танских поэтов, Бо Цзюйи имел заметное «пристрастие к камню». Самым убедительным доказательством является то, что после отставки с поста начальника округов Ханчжоу и Сучжоу он вернулся на север, прихватив с собой камни. В третьем году правления под девизом Дахэ (829) в «Предисловии к главе Чишан» он писал:

Я, Лэтянь, оставляя пост начальника округа Ханчжоу, раздобыл один тяньланьский³ камень и двух журавлей из уезда Хуатин, с каковыми вернулся [домой]. Вначале возвел мост Сипинцяо, окружил дорогу возле пруда. Оставляя пост начальника округа Сучжоу, добыл камень с озера Тайху, белые лотосы, согбенный водяной орех и лодку из молодых досок, с каковыми вернулся [домой]; возвел мост Чжунгаоцяо, соединяющий три острова. <...> Ян Чжэнь из Хуннунского [клана Ян] даровал три голубых камня с длинными гладкими боками, на которых можно сидеть и лежать [1, т. 69, с. 3669–3670].

Бо Цзюйи поместил камни из Тяньлани и с озера Тайху в саду Лося, каждый день приходил к этим «чудным камням» дружить, возлиял и декламировал стихи, стоя между ними, и считал подобный досуг высшей радостью, возможной в жизни.

В начальный год правления под девизом Баоли (825) Бо Цзюйи был назначен начальником округа Сучжоу, который находится недалеко от озера Тайху, которое, в свою очередь, славилось своими камнями. Лэтянь влюбился в них с первого взгляда и неоднократно воспевал в собственных стихах. Стихотворение «Два камня» было написано на втором году правления Баоли (826), когда поэт занимал должность начальника округа Сучжоу, и повествует оно о камне с озера Тайху и о том, как тот впоследствии был отправлен в Лоян:

*Обернувшись, спросил я камни,
Будут ли старику досугом?
Камни, хоть не могли ответить,
Разрешили им стать третьим другом [1, т. 21, с. 1403–1404].*

В стихотворении камень с озера Тайху описывается как самый близкий друг. На втором году правления под девизом Баоли в стихотворении «Лотосовый камень» поэт описывал внутренние переживания, когда отправлял камень в Лоян: «Отправляю в Дунло, мое сердце последует с ним» [1, т. 24, с. 1638], где под «ним», вероятно, подразумевался камень с озера Тайху, а само событие приравнено к расставанию с близким другом.

Помимо дружбы с камнями и воспевания их, у Бо Цзюйи было еще одно связанное с ними увлечение — он любил вырезать на камнях собственные стихи. В стихотворении «Записи о прогулке по озеру Тайху, отправленные Вэй Чжи»⁴ есть такие строки: «Ущелья укрыты снегом, меж ними высятся сосны, источника горного капли веками камни точили, письмо напишу, как сказку, оставлю на

³ Камень с горы Тяньлань в округе Ханчжоу.

⁴ Юань Чжэнь (779–831) — китайский поэт и новеллист.

озера береге, спую новый стих об этом и другу в Чжэнцзян отправлю». К третьей строфе прилагался комментарий самого поэта: «Красоту увиденных мест запечатлел на камнях возле озера» [1, т. 24, с. 1613]. В стихотворении «Вспоминаю прошлое в знаках на камне» есть строки: «На камне Тайху вырезаю стихи тремя почерками, пятнадцать прошедших лет навек обручаю с ними» [1, т. 35, с. 2324]. Вырезание на камне он называл «обручением». Эта надпись сохранилась как минимум до периода Северная Сун (960–1127 гг.) — Ли Гэфэй в своих «Записях о знаменитых садах Лояня» писал: «Парк при храме Дацзысы, сад танского поэта Бо Лэтяня. <...> В храме до сих пор много камней, украшенных стихами Лэтяня».

Что до поэтических гравюр, то есть среди них те, где суть видна уже в названии, — «Возвожу жилище отшельника у подножия горы Сянхуфэн и воспую сие на камне», «Пишу на камне в ущелье» и «Пишу на скале над прудом возле горы Ванцзюшань». Есть также стихотворения в жанре «оборванные строфы» под названием «В былые годы Чоу Сан горевал по белому коню, расписывая стены залы стихами; они сохранились до сих пор, и [перечитывая их] вновь вспоминаю былые чувства и слагаю еще больше цзюэцзюй», где можно найти строки «возле дороги кости зарыты, сплелись с сорняками, на каменных строфах из пыли рождается мох». Это стихотворение также написано на стене залы [1, т. 32, с. 2147].

Стихотворение «Ранней зимой путешествуя по [горе] Вангю, дух возносит-ся к подножию Солнечной башни...» завершается строками: «Стихи для Вас на камне слагаю, чтоб знали о них и горы родного края» [1, т. 22, с. 1498], что говорит о том, что и это стихотворение было некогда высечено на камне.

В четырнадцатом году правления под девизом Юаньхэ (819), когда Бо Цзюйи был назначен начальником округа Чжунчжоу, он вместе с младшим братом Бо Синцзянем и другом Юань Чжэнем посетили уезд Илин округа Сячжоу, где оценили красоту потаенных горных родников, которые понравились им настолько, что не хотелось покидать эти места. «Каждый написал по двадцать строф на старинные напевы, после [Бо Цзюйи] велел жаловать [им] предисловие и запечатлеть их». Сложенное вступление получило название «Предисловие о пещере Трех бродяг», но, к сожалению, эти стихотворения в двадцати рифмах на старинный напев до наших дней не дошли.

Кроме того, в начальный год правления под девизом Баоли в «Записях каменных строф в округе У» Бо Цзюйи писал:

Вэй [Ингю] в этом округе [слагал] множество песен и стихов, есть и стихотворение «Уездный пир», в котором строки: «Стражи дворцовой высится лес алебард, в опочивальне свежий застыл аромат», самые изящные и меткие. И вот велел выгравировать их на камне, преподнесу в дар будущему [поколению], и приложил к нему [собственное] стихотворение «Выходной пир» [1, т. 43, с. 3626].

В молодости Бо Цзюйи восхищался пятисложными стихотворениями Вэй Ингю, отмечая их «элегантность, неторопливость и самодостаточность» («Рифмы Чуньцю», цзюань 1). На посту начальника округа Сучжоу он велел выгравировать на камне стихотворение Вэй Ингю, также в свое время занимавшего эту

должность, «Мужи словесности собрались на пир под дождем в канцелярии начальника округа», а также добавил к нему собственное творение «В канцелярии начальника округа давали выходной пир для ученых и чиновников уезда» [1, т. 21, с. 1378–1379].

Кроме того, в девятый год правления под девизом Дахэ (835) в «Предисловии к вырезанным на камнях горы Нюйцзишань строфам Пэй Цзинь-гуна» написано:

Когда шичжун⁵ Пэй Цзинь-гун выступил на запад от реки Хуайхэ, проходя мимо подножия горы Нюйцзишань, он вырезал на камне стихотворение, в последней строке которого говорилось: «Скоро сровняю с землей разбойничий форт, пусть до Небесного Сына весть об этом дойдет, не укажу на гору бессмертных перстом, я укажу на отважный военный народ». Было действительно так, как написано, в краткий срок были усмирены разбойники, и вследствие этого в княжестве Цай на реке Хуайхэ по сию пору, почти двадцать лет, люди могут спокойно жить и заниматься делом. У него не хватило дыхания воспеть [это], поэтому я, Цзюйи, сложил двести строк, чтобы дописать творение гуна. Желаю, чтобы собиратели стихов, составители истории и те, кто в будущем придут любоваться, знали, что заслуги гуна не имели равных ни до, ни после него [1, т. 30, с. 1999].

Пэй Шичжун, Цзинь-гун, — это Пэй Ду, знаменитый министр времен династии Тан. Судя по предисловию, это стихотворение также было выгравировано на камне.

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАВИРОВКИ «СТИХОТВОРЕНИЕ О ПУТЕШЕСТВИИ В ЦЗИЮАНЬ» И ЕЕ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

В стихотворении «Гуляю у горного водопада, случайно на камне творю» во всех сводах об эпиграфике называется «Стихотворение о прогулке в Цзиюань». Чжао Минчэн в своем своде «Цзиньшилу», в десятом томе, указывает: «“Стихи о прогулке в Цзиюань” танского Бо Цзюйи, [написано стилем] *кайшу* в девятом месяце пятого года правления под девизом Дахэ». Это самое раннее упоминание об этой поэтической гравюре. Стела со стихами была утеряна во времена династии Северная Сун, а позже восстановлена во вставном шестом месяце восьмого года правления под девизом Дачжун Сянфу (1015). В четвертом томе трактата Би Юаня «Чжунчжоу цзиньши цзи» («О записях на бронзе и камне центральной равнины») указано: «Восстановленное стихотворение Бо Цзюйи», выполнено во вставной шестой месяц пятого года правления Дахэ, выполнено Дуань Цюньюем [каллиграфическим стилем] *синшу*, находится в храме Циду уезда Цзиюань. В “Цзиньшилу” содержится запись о “Стихотворении о прогулке в Цзиюань” Бо Цзюйи, написанном в пятый год правления Дахэ, Фэн Су⁶ приложил сти-

⁵ Шичжун — помощник канцлера по дворцовому ведомству.

⁶ Фэн Су (767–836) — танский чиновник.

Рис. 1. Восьмой год правления Дачжун Сянфу династии Северная Сун (1015), эстамп поэтической гравюры «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях» (коллекция Национальной библиотеки)

Рис. 2. Восьмой год правления Дачжун Сянфу династии Северная Сун (1015), эстамп поэтической гравюры «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях» («Цзиюань цзиньшилу»)

хотворение. В дальнейшем добавили [надпись] “пятый год правления Дахэ”, а также строку “Восстановлено Дуань Цюньюем”. Гравировка со стихами самого Бо Цзюйи утрачена во времена Северной Сун, поэтому стихи были вновь вырезаны на камне, ныне изучить [оригинал] не представляется возможным, Чжао Минчэн⁷ неизвестно как видел оригинальную гравировку, и только». В настоящее время в библиотеке Пекинского университета хранится сборник эстампов с указанной стелой, размером 46 × 13 см, 18 строк, написанных почерком *син-шу*. Первая строка «Управитель Хэнани Бо Цзюйи», а затем следует полный текст стихотворения. Завершается надпись словами «Написано 26-го числа 9-го месяца 5-го года правления Дахэ», «3-го числа вставного 6-го месяца 52-го года / восьмого года под девизом правления Дачжун Сяньфу, смотритель людского и конского состава в Цзиюане на северном берегу Хуанхэ, из правого отделения дворцовой стражи, Шэнь Сюнь пожалован пурпуром [неразборчиво] (предположительно «императорская библиотека») вновь написал [на камне] и установил [его]», «гравер Ди Вэньхань». Оригинальный камень существовал еще при династии Цин, к настоящему времени утратил заднюю часть, ныне хранится в Галерее стел храма Цзиду в Цзиюане.

Стелу со стихами повторно выгравировали во второй раз в девятом месяце начального года правления под девизом Юаньгуан династии Цзинь (1222). В пятом томе «Чжунчжоу цзиньшилу» Би Юаня указано: «Восстановленная гравировка стихотворения Бо Лэтяня, установлена в девятом месяце начального года Юаньгуан, [выполнена стилем] *кайшу* Цзя Сяньчэнем, находится в Цзиюане. Стихотворение выполнено пятисложным стихом, открывается строкой «Прекрасны виды Цзиюаня, они известны мне давно» и завершается строкой «26-е число 9-го месяца 5-го года Дахэ», далее указано «Восстановлено Цзя Сяньчэнем». Копия была у [Бо] Цзюйи, возможно, была утеряна во времена Сун или Цзинь. [Цзя] Сяньчэнь получил должность, не будучи обязанным прибыть на место службы, делопроизводителем при *цзедуши* Чан Уцзюне. В настоящее время в библиотеке Пекинского университета хранится сборник эстампов с указанной стелой, размером 63 × 43 см. В верхней части стелы стилем *кайшу* написано «Стихотворение Бо Лэтяня». Текст выполнен в стиле *кайшу*, первая строчка гла-

Рис. 3. Восьмой год правления Дачжун Сяньфу династии Северная Сун (1015), эстамп поэтической гравюры «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях», останки («Цзиюань цзиньшилу»)

⁷ Чжао Минчэн (1081–1129) — исследователь надписей на бронзовых сосудах.

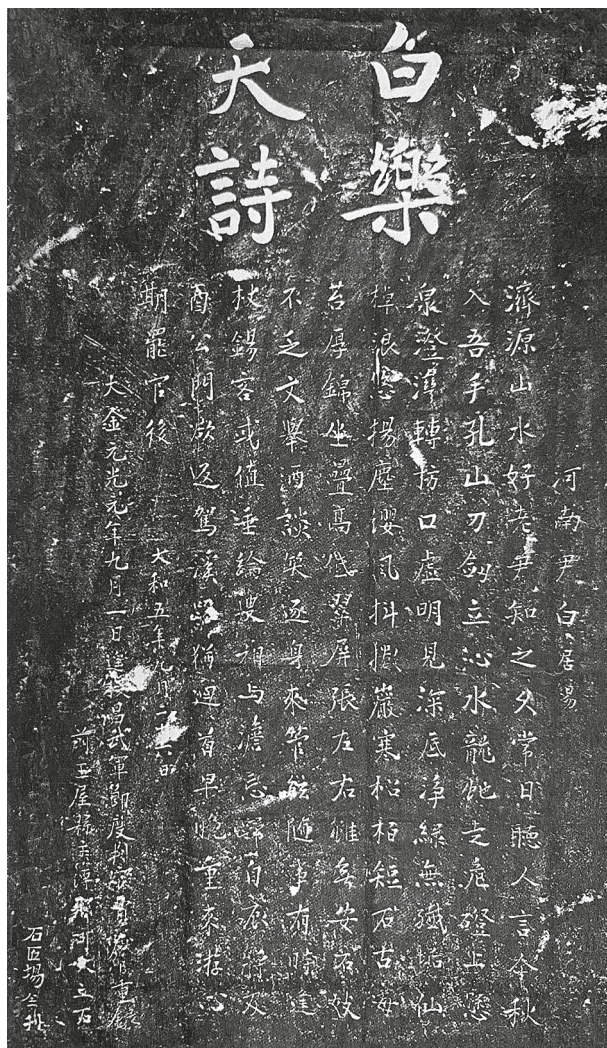

Рис. 4. Начальный год правления под девизом Юань-гуан династии Цзинь (1222), эстамп поэтической гравюры «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях» («Цзиюань цзиньшилу»)

сит «Управитель Хэнани Бо Цзюйи», далее следует полный текст стихотворения, завершается строкой. «Написано 26-го числа 9-го месяца 5-го года правления Дахэ» и «Восстановлена делопроизводителем при *цзедуши* Чан Уцзюне Цзя Сяньчэнем», «установлена бывшим регистратором уезда Ванъу Син Кэвэнем», «Каменных дел мастер Ян Цюанькань», оригинальный камень утрачен» [2, с. 176].

Табличка со стихами была повторно выгравирована во второй раз в девятом месяце первого года правления под девизом Юаньгуан династии Цзинь (1222), Би Юань («Чжунчжоу цзиньшилу»).

Согласно утраченной стеле, гравированной на восьмом году правления Дачжун Сяньфу во времена династии Северная Сун, и эстампу, текст был следующий:

河南尹白居易

Хэнаньский управитель Бо Цзюйи

济源山水好，老尹知之久。
常日听人言，今秋入吾手。

*О, Цзюань,
Горы в объятиях озер,
Старый сановник
Знал о красотах вдали.
Прежде слышал лишь
Вздохи восторгов чужих,
Осень настала —
Слухи в ладонь мне легли.*

孔山刀剑立，沁水龙蛇走。
危磴上悬泉，澄湾转枋口。

*Пика Кунишань
Вверх нацелен клинок,
Воды Циньшуй
Словно змеистый дракон.
Камней ступени
Вверх к водопаду ведут,
Устья изгиб
Прозрачной петлей обведен.*

虚明见深底，净绿无纤垢。
仙棹浪悠扬，尘缨风斗薊。

*Пуст и прозрачен,
Видно глубокое дно
Лист бирюзовый,
Ни пыли, ни праха не знал.
Шелест волны —
Старец на веслах идет,
С шапки чиновной
Ветер завязки сорвал.*

岩寒松柏短，石古莓苔厚。
锦座叠高低，翠屏张左右。

*Каменный хлад
Ввысь не пускает сосну,
Древний валун*

*Мишистою шубой укрыт.
Тронов роскошных
Ряд один над другим
Горная цепь
Десно и шуйно лежит.*

*虽无安石妓，不乏文举酒。
谈笑逐身来，管弦随事有。
Пусть не нашлось
Места певичкам в камнях,
Чаша с вином
И стихи мне составят банкет.
Шутки и смех
Непрерывною льются рекой,
Гуань и саньсянь
Шлют музыкальный привет.*

*时逢杖锡客，或值垂纶叟。
相与澹忘归，自辰将及酉。
Может, на встречу
Гость издалече придет,
Может, случится,
Старец закинет уду.
Что нам делить?
Мы забудем дорогу домой,
С ранней зари
И пока не увидишь звезду.*

*公门欲反驾，溪路犹回首。
早晚重来游，心期罢官后。
Князьи хоромы
Гонят на службу назад,
Путь вдоль ручья
Словно сложен из дум о былом.
Рано иль поздно
Вернусь я сюда погулять,
После того,
Как навек распрощаюсь с постом.*

*大和五年九月二十六日题
Сложено 26-го дня 9-го месяца 5-го года правления
под девизом Дахэ*

При сравнении четырех вариантов стихотворения (гравировка на камне 1015 и 1022 гг., см. рис. 1–4, сборник «Аннотированная антология Бо Цзюйи» Се Сывэя и сборник «Аннотированное собрание сочинений Бо Цзюйи» [3, т. 4, с. 1784–1785] под редакцией Чжу Цзиньчэна) обнаружилось пять различий (табл. 1):

Таблица 1. Сравнение вариантов стихотворения «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях»

1015	1022	Чжу Цзиньчэн	Се Сывэй
枋	枋	坊	坊. Комментарий: 坊口 читать как 枋口
深底	深底	深底	深底. Коррекция: первоначально употреблено 心底
斗	抖	抖. Комментарий: 抖擻 то же, что и 斗擻	斗
叠	叠	纓. Коррекция: значение слова 纓 трудно понять, изначально было употреблено 映, исправление на 纓 стало преимуществом	叠
反	返	返	返

В анализе этих пяти различий можно заметить следующие три момента: во-первых, в оригинальной версии «Аннотированных стихов Бо Цзюйи» стихотворение записано с иероглифом 坊 («насыпь»), а в уточняющем комментарии указано, что 坊口 («запруда») следует читать 枋口 («брусова запруда»). Она получила свое название очень рано. «Вода, льющаяся с горы, словно с бруса», потому в народе запруды обычно называют «брусовой». Это подтверждает надпись на стеле, установленной в шестой год под девизом Юаньхэ (811) главой уезда Цзиюань Ли Чаояном: «Записи о буддийском храме на горе Тяньчэншань у канала Гуанцзи возле запруды Циньхэ» (《沁河枋口广济渠天成山兰若等记》) (сведения о ней содержатся в девятом томе «Цзиньши сюйбянь», составленном Лу Яоцзюнем). Поэтому правильным следует считать слово 枋. Во-вторых, 叠 («складка»): хотя в «Аннотированном собрании сочинений Бо Цзюйи» указано, что в оригинале стихотворения написано слово 叠, в «Аннотациях» указано, что и 纓 («лента») считается превосходным. В-третьих, 斗 и 抖, 反 и 返 в древности имели сходное значение («сражаться» и «противиться» соответственно). Однако из двух разных слов 斗 («встряхивание») и 抖 («встряхивание») видно, что каменный образец первого года правления Цзинь Юаньгуана отличался от созданного в восьмой год правления Дачжун Сяньфу и был выполнен по древней книжной копии. Кроме того, по строчке «В некоторых корректировках: в каменной копии 抖擻» в «Собрании комментариев и корректировок Бо Цзюйи» Чжу Цзиньчэн можно сделать вывод, что речь идет о копии 1222 г., а не 1015 г.

Одним словом, из этих пяти разных текстов можно сделать два вывода: во-первых, эстампы династии Северная Сун произошли от танских — лучших из всех типов книг, дошедших до настоящего времени, и ее важность для сопоставления документов очевидна. Во-вторых, хотя в эстампах династии Цзинь сохранилось много информации об эстампах периода Северная Сун, содержание

стихов было изменено в соответствии с другими версиями. Это показывает связь между двумя текстовыми системами — литературы эстампов и книжной литературы.

3. ЗНАЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАВЮРЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

По сравнению с книгами и документами, гравюра «Гуляю у горного водопада, случайно пишу на камнях» Бо Цзюйи имеет не только общую филологическую ценность, такую как сопоставление слов и предложений. Материальность резьбы по камню, локальность записей в определенном времени и пространстве, а также роль распространителя «языкового ландшафта» определили уникальную ценность поэтических гравюр Бо Цзюйи в истории литературы и культуры.

Во-первых, «любовь к камню» Бо Цзюйи наделяет камень двойными атрибутами естественной самородности и индивидуальности.

В середине династии Тан ученые обычно любили садовый пейзаж, а камень был представителем садового ландшафта. Бо Цзюйи написал стихотворение «Камень с озера Тайху» в первый год правления под девизом Дахэ (827), в котором были строки:

烟翠三秋色，波涛万古痕。削成青玉片，截断碧云根。

*Сизая дымка, три цвета осенних красот,
Волны и валы шрамов прожитых веков.
Синий нефрит обрамляет резной горизонт,
Яшмовый лес рассеченных небесных столбов.*

风气通岩穴，苔文护洞门。三峰具体小，应是华山孙。 [1, т. 25, с. 1671]

*Ветра душа пронизала пещеры нутро,
Двери в нее в обрамлении мишистых письмен.
Гребень в три пика, и правда, совсем не велик,
«Внук Хуашань» всем представляется он.*

Бо Цзюйи поместил три сизых камня с озера Тайху, привезенных из Сучжоу, в садовый ручей. Вода проходила через покрытые мхом каменные пещерки, и издали это выглядело как уменьшенная копия западной горы Хуашань. Бегущая сквозь камень вода не только имеет живописный вид, но и красиво журчит, о чем было написано в стихотворении «Государев цензор даровал камень и помог стать водному звуку, за что в благодарность дарю ему четверостишие»:

泉石磷磷声似琴，闲眠静听洗尘心。

莫轻两片青苔石，一夜潺湲直万金。 [1, т. 36, с. 2425]

*Шепот ручья, что журчит меж камней,
мне, словно цинь, поет,
Праздно внемлю, как смывает следы
с сердца мирских забот.*

*К сизым камням, закутанным в мох,
не отнесись свысока,
Ночь возле них под шелест ручья
Тьму золотых превзойдет.*

Звук журчащей воды подчеркивает спокойствие окружающей среды, что является именно тем «занятым уединением», к которому стремился поэт. Это написано в стихотворении «Ставлю камень в воды Ицью у западной стены павильона и в рифмах пишу о том, как занятно и тихо журчит бегущий сквозь камень поток»:

*终日临大道，何人知此情？此情苟自惬，亦不要人听。 [1, т. 36, с. 2404]
Цельми днями сижу у большого пути,
Знает ли кто, как на месте дела обстоят?
Так обстоят, что коль скоро душе здесь покой,
Пусть бы никто не услышал, что здесь говорят.*

Это стихотворение относится к жанру переживаний на склоне лет, в котором проявляется «среднее отшельничество» автора: «... в деревне слишком захламлено, при дворе слишком шумно, лучше уж быть полуотшельником, и скрыться Лоянском дворце». В понятие «средний отшельник» Бо Цзюйи вкладывал два смысла. Во-первых, «средний отшельник» проживал в саду, где можно было проникнуться «духом уединения» не хуже, чем в горах на природе, и найти себе личное «утешение»; во-вторых, в стихотворении «Камень с озера Тайху» писал, что камень «венчает собой вчера и сегодня», в чем же тому причина? В стихотворении «В саду Лося гадаю о том, где найти пристанище» поэт похвалил камень за то, что «твердость и чистоту ничем нельзя замутить», ведь камням Тайху приписывали такое качество, как стойкость и неподкупность, что как раз символизировало идеал жизни Бо Цзюйи. В стихотворении «Я сшил себе теплый халат» есть строки: «Достойного мужа заботит счастье других / Разве он может любить одного себя?¹», — и с этой точки зрения друзья-камни Бо Цзюйи символизировали «дао» жизни, где «воля — нести добро, а поступки — в уединении совершенствовать себя». Таким образом, камни можно считать метафорой для человеческих идеалов.

Во-вторых, стихи фиксируют определенное время и пространство, таким образом восстанавливая исторический контекст творческого акта.

Специфический пространственно-временной фон, переданный стихотворением, может в значительной степени восстановить порождающую среду стихотворения, чего не может книжная литература. Например, в эстампе «Путешествуя к горному водопаду, иногда на камне творю» по левой стороне камня тянется надпись «Написано 26-го дня 9-го месяца 5-го года правления Дахэ», и указанное время согласуется с содержанием стихотворения «Осень настала — слухи в ла-

¹ Пер. Л.З.Эйдлина.

донь мне легли». Кроме того, на оригинальной стеле не было названия стихотворения, поэтому общее название для этого цикла в бронзе и камне — «Стихотворения о путешествии в Цзююань». В таком сочетании можно сделать вывод, что это стихотворение написал именно Бо Цзюйи именно 29-го числа 9-го месяца 5-го года правления под девизом Дахэ, во время поездки в Цзююань, просто в то время у стихотворения не было названия, а затем, когда впоследствии составляли сборник, его озаглавили «Путешествуя к горному водопаду, иногда на камне творю» — то есть сперва родились стихи, а потом название.

Согласно «Запискам о камне и бронзе», стихотворение «Ранней зимой путешествую по горе Ваньфу...» было выгравировано в «10-м месяце 6-го года правления под девизом Дахэ», что совпадает со строками «иней морозный, вода и небо чисты, дивна Ваньфу в октябре». «Стихи для Вас на камне слагаю, чтоб знали о них и горы родного края», видимо, означало, что, как и в предыдущем случае, сперва на камне были сложены стихи, а затем в собрании сочинений им придумали название.

По поводу «Пятидесяти рифм...» в 13-м томе «Собрания драгоценных гравюр» указано четкое время и места установления стелы: «В день весеннего равноденствия метаю дощечки, а солнце сияет в гротах бессмертных», вторая рифма² по стихотворению» авторы танский Юань Вэймин³ и Бо Цзюйи, каллиграфия Ван Шуфэня, гравировка в стиле *чжуань* Лю Вэя, оставлен 15-го числа 1-го месяца 3-го года правления под девизом Дахэ, в храме Лунжуй». На основании этой записи в книгах «Аннотированная антология Бо Цзюйи» Се Сывэя и «Аннотированное собрание сочинений Бо Цзюйи» Чжу Цзиньчэна это стихотворение относят к третьему году Дахэ, фактически ошибочно. Стихотворение представляло собой «вторую рифму» на стихотворение Юань Чжэнь, который написал его в день весеннего равноденствия, а стелу со стихами установили в первый месяц третьего года Дахэ, поэтому оба стихотворения могли быть написаны не позже второго года. В тот год Юань Чжэнь занимал должность правителя округа в восточной части провинции Чжэцзян, а Бо Цзюйи — помощника министра наказаний в Чанъане. Пользуясь служебной обязанностью, во время весеннего равноденствия второго года Дахэ (828 г., 20-го числа 3-го месяца по лунно-солнечному календарю) Юань Чжэнь отправился на юг полюбоваться пейзажами, где и написал указанное стихотворение. Ознакомившись с ним, Бо Цзюйи решил подпеть ему в той же рифме. Первое стихотворение было написано по свежим впечатлениям, второе — по воспоминаниям; первое — с натуры, второе — в подражание, но при этом оба четко соотнесли красоту местных пейзажей с гуманистическими канонами. Впоследствии местные выгравировали оба стихотворения на камне, который установили «15-го числа 1-го месяца 3-го года Дахэ» — вероятно, гравировка состоялась на следующий год после стихосложения, после чего установили ее в храме Лунжуй на горе Ваньвэй в округе Шаосин. В отличие от двух преды-

² Стихи на рифмах чужих стихов с обязательным соблюдением их порядка.

³ Юань Чжэнь.

дущих стихотворений, данное произведение сперва получило название, а затем было перенесено на камень, а потому они сохраняют единство и на камне, и на бумаге. Из этого можно увидеть, что, будучи самым ранним представителем поэтической гравюры, оно в значительной степени восстанавливает контекст, в котором создавалось стихотворение.

В-третьих, поэтическая гравюра была инструментом создания и распространения лингвистических ландшафтов.

Лингвистический ландшафт — это социолингвистическая концепция, авторитетно определенная канадскими учеными Лэндри и Бурхисом в 1997 г.: «Дорожные знаки, рекламные щиты, названия улиц, топонимы, вывески магазинов, таблички на правительственных зданиях, вместе образуют языковой ландшафт определенной области, региона или городской агломерации» [4]. Хотя эта концепция в основном используется в современных исследованиях городской лингвистики, «причина исследования языкового ландшафта заключается в том, что общие предположения в равной степени применимы к историческим локациям» [5, с. 22]. Исследуя западный исторический языковой ландшафт, Флориан Коулмас изучал слова, начертанные на стелах, отвечая на три вопроса: «Кто автор этих надписей? Куда поставили эти камни? Какую роль они выполняли?» Возьмем три стихотворения Бо Цзюйи: «Путешествуя к горному водопаду...», «Пятьдесят рифм в подражание Вэй Чжи...» и «Ранней зимой...» — и рассмотрим по принципам исследования «исторического языкового ландшафта» (табл. 2).

Таблица 2. Стихотворения Бо Цзюйи с точки зрения исторического языкового ландшафта

Параметр	«Путешествуя к горному водопаду...»	«Пятьдесят рифм...»	«Ранней зимой...»
Автор надписи	Стихи Бо Цзюйи, каллиграфия на камне Дуань Цюньюя, гравировка Ди Вэньхана	Стихи Бо Цзюйи, каллиграфия Ван Шули, гравировка стилем чжуань Лю Вэя	Стихи Бо Цзюйи, каллиграфия в стиле кайшу Чжан Хунмина
Местонахождение камней	Храм Цзиду в городе Цзиюань уезда Мэнчжоу	Храм Лунжуй в Юэчжоу	Гора Вангушань в Мэнчжоу
Роль	Формирование компетенции теории и литературно-географического пространства, передача будущим поколениям	То же	То же

Если исходить из позиции «языкового ландшафта», то можно увидеть, что после завершения своих произведений поэт вступает в стадию формирования «языкового ландшафта». Этот этап представляет собой процесс, в котором вместе участвуют литераторы, граверы и инженеры-каменщики, то есть это совмест-

ный процесс с участием каллиграфов, граверов и местных чиновников. В конце концов, как «ландшафт» поэтическая стела возводится в некую социальную «публичную сферу» и попадает в поле зрения современников и потомков. Таким образом, эти стихи также имеют социальные атрибуты. Поэтому, когда мы рассматриваем вопрос «какую функцию они выполняют», мы должны анализировать объект, находясь в «публичной сфере». В связи с этим мы можем увидеть следующие два момента. Во-первых, авторитетность текста. «Важной функцией письменных символов в древнем языковом ландшафте является установление авторитета и правовой системы» [5, с. 27], и поэтический текст на стеле не является исключением. Его авторитет исходит от официальных представителей, как, например, первой строкой на стеле со стихотворением «Путешествую к горному водопаду...» написано «Управитель Хэнани Бо Цзюйи» — указание статуса и должности является доказательством авторитетности текста. Во-вторых, пейзажные описания составляют основное содержание стихов Бо Цзюйи. Это был своеобразный мейнстрим древнекитайской поэзии начиная с творчества Чжэн Даочжао времен династии Северная Вэй. Как поэтический памятник гуманистического ландшафта, он часто интегрируется с естественной окружающей средой, где в пейзаже есть место чувству, а в чувстве — пейзажу, и, таким образом, формируется литературно-географическое пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были изложены соображения о документальной, литературной и культурной коннотациях поэзии Бо Цзюйи и проблеме «китайской гуманистической географии», появившейся в контексте его творчества.

В целом поэтическая гравюра литераторов, представленных Бо Цзюйи в середине династии Тан, с точки зрения содержания с самого начала стала выражать чисто личные эмоции, отражая личность поэта. Причины таких перемен заключались во множестве факторов, но в основном это было связано с личностью и талантом самого Бо Цзюйи. Дружба с камнем, любовь к камню, визиты, созерцание и воспевание камня, а также надписи и гравировка стихотворений на камне составляют «каменный» мир Бо Цзюйи, который воплощает одновременно материальное и духовное. В этом самодостаточном мире в поэзии Бо Цзюйи сформировались две особенности: индивидуальность и региональность. Эти две особенности напоминают нам «гуманистическую географию», предложенную американским ученым Дуань Ифу. Как следует из названия, «гуманистическая география» включает в себя «гуманизм» и «географию». Суть вопроса заключается во взаимодействии индивида и места — «индивидуальный поиск смысла» [6, с. 2–6]. Дуань Ифу исследует гуманистическую географию в контексте западных религий и считает, что, когда закончилась западная средневековая и началась ранняя современная мысль, «переход от религии к секуляризму», «художники-пейзажисты перестали смотреть в небо и начали смотреть вдаль, на линию горизонта», вследствие чего «целью перестал быть рай, целью стало географическое

пространство» [6, с. 161]. Для Бо Цзюйи это была не столько трансформация в созерцание отдаленного горизонта или географического пространства, сколько возвращение в свой внутренний мир. Мир его стихов материален и имеет географическое пространство, но при этом духовен и индивидуален.

Согласно классификации, разработанной самим Бо Цзюйи, стихотворение «Шлю Ван Шиба, удалившемуся от мира, эпиграмму в храм Сянью» относится к категории *люйши*. Но если посмотреть, что такие стихотворения, как «Одинокая ночь в храме Сянью», «Запертый на государевом посту, гуляю во сне по храму Сянью» и пр., относятся к категории «безмятежных», включая «Гуляю у водопада...», «Пятьдесят рифм в подражание Вэй Чжи...» и «Ранней зимой...»; эти «стихи в камне» имеют ярко выраженный оттенок «безмятежности» человеческой жизни в понимании поэта. «Гордый, собою довольный, сижу на циновке, ноги раскинув» («Строю хижину у подножия Сянхуфэн...»), «Сердцу людскому много не нужно, что же просить сверх того?» («Два стихотворения о благодовольстве», стих первый), поэт транслирует собственные чувства через местный пейзаж, «Не зная забот, не зная печали, смогу ли дожить так до преклонных годов?» («Песнь у пруда»), он находит в горах спокойное место, куда можно удалиться и тихо наслаждаться жизнью. Очевидно, что стихи Бо Цзюйи стали важным толчком к созданию гуманистической географии Китая и имеют в ее рамках большую ценность.

Литература

1. 白居易著, 朱金城笺校. 白居易集笺校. 上海: 上海古籍出版社, 2021. [Бо Цзюйи. Аннотированное собрание сочинений Бо Цзюйи / под ред. Чжу Цзиньчэна. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2021.] (На кит. яз.)
2. 郝清嫩主编. 济源金石录. 中州: 中州古籍出版社, 2019. [Хао Циннэнь (ред.). Цзююань Цзиньшилу. Чжунчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2019.] (На кит. яз.)
3. 谢思炜撰. 白居易诗集校注. 第4册. 北京: 中华书局, 2006. [Се Сивэй. Аннотированная антология поэзии Бо Цзюйи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.] (На кит. яз.)
4. 杜克·戈特, 方小兵译. 西方语言景观研究学术简史// 语言战略研究, 2020. 第4期. [Гортер Д. Краткая академическая история западного лингвистического ландшафта / пер. Фан Сяобина // Юйянь чжаньлюэ яньцзю, 2020. № 4.] (На кит. яз.)
5. 弗洛里安·库尔马斯著, 阎喜译. 历史上的语言景观与公共领域的出现 // 文字与社会学导论. 北京: 外语教育与研究, 2019. [Коулмас Ф. Исторические лингвистические ландшафты и возникновение общественной сферы / пер. Яня Си // Введение в письмо и социологию. Пекин: Вайюй цзююй юй яньцзю, 2019.] (На кит. яз.)
6. 段义孚著, 宋秀葵等译. 人文主义地理学 — 对于意义的个体追求. 上海: 上海译文出版社, 2020. [Дуань Ифу. Гуманистическая география — индивидуальное стремление к смыслу / пер. Сун Сюкуй и др. Шанхай: Шанхай ивэнь чубаньшэ, 2020.] (На кит. яз.)

References

1. Bai J. Y., Zhu J. C. *Collation and Annotation of Bai Juyi*. Shanghai, Shanghai Classics Publishing House, 2021. (In Chinese)

2. Hao Q.N. (ed.). *Record of metal and stone inscription on Jiyuan (Jinshi Lu)*. Zhengzhou, Zhongzhou Classics Publishing House, 2019. (In Chinese)
3. Xie S. W. *Annotation of Bai Juyi's Poetry*. Beijing, Zhonghua Book Company, 2006. (In Chinese)
4. Gorter D. Linguistic Landscapes: Introducing a Field of Studies. Transl. by X. B. Fang. *Chinese Journal of Language Policy and Planning*. 2020. No. 4. (In Chinese)
5. Coulmas F. Historical linguistic landscapes and the emergence of the public sphere. *Writing and Society: An Introduction*. Transl. by X. Yan Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 2019. (In Chinese)
6. Tuan Y. *Humanist Geography: An Individual's Search for Meaning*. Transl. by X. K. Song et al. Shanghai, Shanghai Translation Publishing House, 2020. (In Chinese)

Перевод Н. А. Сомкиной